

Ар. Григорян

Егише Чаренц и Александр Блок

Они никогда не были лично знакомы — Егише Чаренц и Александр Блок. Они не встречались, не переписывались, не высказывались друг о друге¹. Чаренц не переводил стихов Блока (за исключением только одного стихотворения²), а Блок — стихов Чаренца. В большом списке больших литературных имен, о которых много и мучительно раздумывал Блок, нет имени Чаренца, а имени Блока нет в сложных и неистовых раздумьях Чаренца. Они не влияли друг на друга, никто из них не был учеником, подражателем другого. Никто из них не был литературным патриархом. И даже то, что создавалось Блоком в 1906 г., не определяло того, что делал Чаренц в 1916 г., когда он еще не был даже читателем Блока. А рождение разговора о литературных связях, порою удивительном единстве путей и судеб двух поэтов тем не менее кажется глубоко закономерным. Исключительно интересны общности, схожесть, порою совпадения. Не менее интересны различия, расхождения, несовпадения. Различия и несхожесть раскрывают гениальную самообытность поэтической индивидуальности Александра Блока и Егише Чаренца, которая определяла очевидные расхождения и не исключала очевидных общностей. Однако интересны и в очевидных расхождениях неочевидные общности.

Не все совпадения в поэтических судьбах и творчестве двух поэтов кажутся закономерными. Однако даже те из них, которые кажутся случайными в свете творчества Чаренца и Блока, оказываются глубоко закономерными в общих мировых литературных процессах.

Эти судьбы принесли рождение в 1918 г. блоковских поэм „Скифы“ и „Двенадцать“ и чаренцовских — «Ամսա» и «Աճրոխները խելազարիւմ»». К революции оба поэта пришли от бегства из жизни и тоски по ней, от темы странников и изгнанников жизни, безумного уничтожения, безответной любви к человеку и неразделенной любви к человечеству, пришли от магии красок и цветов, колдовства света и тени. Поиски родины, голубые пути и дали, предчувствие революции. Лирика предчувствий и тоска по жизни рождали свои пути в революции.

¹ Сохранилось лишь высказывание о Блоке в письме к Гатову.

² Чаренц спустя более чем двадцать лет переводит стихотворение Блока „Голос из хора“ (1910—1914 гг.), вошедшее в цикл „Страшный мир“. Перевод замечательно отразил гражданскую тоску блоковского стихотворения, которое передано в стихе совершенно точно и во всех решительно тонкостях и нюансах, поэтических и мировоззренческих. Стихотворение было переведено в нескольких вариантах (рукопись перевода хранится в чаренцовском архиве).

Сложна и противоречива поэзия раннего Чаренца. И сложность, и противоречия ее необычны. Ведущей темой и ведущей проблемой раннего Чаренца была тема-проблема бегства из жизни. И как-то вдруг рядом с ней возникала главная или, быть может, даже единственно главная, а возможно и просто единственная тема — тоска по человеку, вырастающая в тоску по жизни. Это сложное, главное противоречие между бегством из жизни и тоской по жизни обострялось и осложнялось еще и тем, что для раннего Чаренца характерна романтизация действительности, причем у Чаренца эта романтизация — только форма бегства из жизни, форма протеста против ее правды и ее лжи («Պոեմ», «Գիշերապահը», «Պատահական անցորդին», «Կան անաս հյուրեր...», «Հմայում է ինձ լապտերը փողոցային» и другие).

Стихотворение 1916 г. «Գիշերապահը» это рассказ о поэте, который уходит из жизни, уходит от людей, когда они живут своей будничной, копошашейся, нерадостной жизнью, и возвращается, когда смолкают последние человеческие голоса, когда исчезают последние тени сумерек, когда мир погружается в сон. Чаренц прямо говорит о желании променять скучные золотые сокровища избранных на простое, дорогое, человеческое сокровище—одиночество бессонных ночей:

*Ես արթնանում եմ, երբ քնում էր դուր
Եվ գիշերն աստուծոյ անխոնջ ու անբուռ,
Երբ փողոցներով չի անցնում ոչ-որ —
Քայլում եմ, քայլում անկյունից-անկյուն...*

Рядом с бегством стихотворения «Գիշերապահը» рождается боль и тоска одиночества, уже не сладостного, а тревожного, рождается мучительная любовь к человеку, которого поэт ждет с настороженной и какой-то сумеречной грустью («Պատահական անցորդին»—1916 г.). Так тема бегства из жизни вырастает в тему тоски по человеку. Тоска по человеку с особенной силой выразилась в стихотворении «Կան անաս հյուրեր»—1916 г., рассказавшем о трудном рождении любви, о большой невозвратной утрате. Тоска по человеку, невидному, простому вырастает в тоску по жизни («Կյանքի, երգի, երկնքի սլես, անհուն, անհուն...»—1916 г.).

Бесцветные будни силой какого-то волшебства превращаются в красивую выдумку. Это жизнь романтизированная. Чаренц в мучительных, трудных поисках дорогих, зримых черт реального романтизирует действительность. Вот почему эта романтизация — форма бегства из жизни.

*Հմայում է ինձ լապտերը փողոցային,
Հմայում են մանեկները անմարմին,
Հմայում է պատահանի ջահո թարթող,
Հմայում են հայելիները կախարդող...
Ու փողոցում թերթեր ծախող զվարթ տղան,
Եվ կառքերն ու վազըր նրանց հապտածպաս,
Եվ դանդերի երգը տխուր ու հոգեթում—
Գիշեր անորյան իր ձանձրոյթով ու շքուշքով:*

Таким же по особенному сложным, как и чаренцовское бегство, таким же таящим в себе противоречивые и неожиданные возможности кажется и блоковское бегство. Начало стихотворения Блока 1909 г. „Под шум и звон однообразный“ — это блоковское бегство:

Под шум и звон однообразный,
Под городскую суету
Я уйду, душою праздный.
В метель, во мрак и в пустоту.

Тема бегства из жизни развивается в стихотворениях 1910 г. „Демон“, „Как тяжело...“, „Я коротаю жизнь мою“ („Не жил я. блуждал среди чужих...“, „Как тяжело ходить среди людей и притворяться непогибшим...“, „Я отступлю в ту область ночи, откуда возвращенья нет...“). И если это еще стихи о гордом отречении, одиночестве сильного человека, что-то отвергающего, человека иступленной гражданской тоски и роковой трагической страсти, то герой стихотворения 1912—1914 гг. „Пляска смерти“ — это уже бывший герой, утративший даже способность отвергать, тосковать, хотеть — „Как тяжело мертвецу среди людей живым и страстным притворяться“. В двух стихотворениях 1915—1916 гг. „Перед судом“ и „Ты твердишь“ эта тема продолжается, правда, уже не развиваясь, а в стихотворении „Сердитый взор бесцветных глаз“ из цикла 1914 г. „Кармен“ Блок об этом говорит прямо и безыскусно: „...Уйдем, уйдем от жизни, уйдем от этой грустной жизни...“ Характерно, что то же самое в 1908 г. Блок выразил поэтичнее, хотя не менее обреченно. Человеческое сливалось с гражданским:

Я пригвожден к трактирной стойке.
Я пьян давно. Мне все равно.
Вон счастье мое на тройке
В серебристый дым унесено.

На рубеже двух эпох, на перепутье двух дорог, в начале творческого пути Блок становится одним из вождей русского символизма. Юношеские импрессионистические стихи Блока („Арте lucem“) — это поэзия душевного ненастья и холодной мглы, безжалостной ночи и несостоявшегося счастья. В чудном сне брезжит счастье, предназначенное кому-то другому. Жизнь проходит в ожидании. Жизнь без дорог страшит. Это было бегство. Однако сквозь kaleidosкопическую, казалось бы, пестроту стихов о Прекрасной Даме-мечте, ушедшей от земной юдоли и входящей в жизнь поэта голубыми путями, о синей дымке и ложных дорогах, о полурелигиозных страстях и сновидениях, о любви, несчастной и измученной, о смерти, жертвенной и трагической, о жизни, одинокой и странной, проступает тема тоски по другой, неведомой и далекой жизни, тоски по „прекрасной стороне“, „роскошной воле“, широкому чистому полю. Рождалось видение все разгорающегося зарева. Сквозь голоса, символизировавшие безвременье, поэту слышались уже другие голоса, зовущие не к таинственным соцветиям, а к занимающейся заре. Тема бегства вырастала в тему тоски по жизни, рождая противоречие, схожее с чаренцовским. В одном из стихотворений 1914 г., включенном в цикл „Ямбы“, Блок

пишет о своей тоске по жизни („О, я хочу безумно жить...“). Одна и та же у Чаренца и Блока стихия бегства, одна и та же стихия тоски по жизни. И романтизация жизни, как форма бегства из жизни, характерна для дореволюционного блоковского творчества. Три стихотворения: „Опустишь занавеска линиялая...“ (1908 г.), „В ресторане“ (1910 г.) и „Смычок запел и облак душный...“ (1914 г.) в этом отношении знаменательны. В эти годы Блок придумывает цыганскую экзотику и в ней находит забвение, отраду. Рыдающая и звенящая тишина, оборвавшаяся струна, в горнице степной ковыль, сожженное небо, небывалость цыганской жизни. Это был уход в цыганство. Это была романтизация действительности. Это было бегство из жизни.

Блок пытается уйти от общественной жизни в разгульное, бесшабашное „цыганство“. В „цыганстве“ Блок искал свободу личности („Фаина“, а значительно позже „Кармен“). Отчаяние, безумная и хмельная жизнь и какая-то тревога, пьянящая и бросающая в омут страстей, падений, забвения, владеют поэтом. В этой угарной жизни ищет поэт забвения. Это забвение — бегство из жизни.

Таким образом, это уже известная нам схема. Содержание ее у двух поэтов похоже и не похоже. И дело здесь совсем не в том, что у Чаренца и Блока совпадают какие-то слова, стихотворения, совпадают и по хронологии и по проблематике. Главное — в одном содержании, одной тенденции, одних изломах путей, в том, что, живя в одну эпоху, оба поэта шли в революцию одинаково издалека, одинаково трудно, одинаковыми путями. И трудности, сложность этих путей, та бесстрашная искренность, о которой говорил Горький, и определили приход в революцию. Пути двух поэтов в революцию то сходились, то расходились, однако главная, ведущая тенденция их мировоззрения и творчества была единой. Их приход в революцию был неотвратим. И даже такая тема-проблема творчества обоих поэтов предреволюционных лет, как бегство из жизни и как бы противоречащая этому бегству тоска по жизни, даже этот, казалось бы, уход от революции, и у Чаренца, и у Блока таил в себе огромные и неожиданные возможности прихода к революции.

О том же говорит и тема тоски по человеку, вырастающая в тему тоски по жизни в стихотворениях Чаренца 1915—1921 гг. *«Եւ գալիս եմ ահա:—նախկինք, նախկինք»* и Блока „Земное сердце стынет вновь“ (1914 г.). Эта тоска по человеку, безответная любовь к человеку вырастают в большую тему неразделенной любви к человечеству, к миру. Тоска становится острее, глубже, социальнее, философичнее. Однако неразделенная любовь к человечеству приводит уже в эти годы не к индивидуализму, не к отречению от человека, а напротив, к поискам человека. Хотя поиски эти отчаянны.

Разные это темы — безответная любовь к человеку и неразделенная любовь к человечеству. Разные они не только потому, что разные у них масштабы, но и потому, что разное у них философское, политическое и эстетическое содержание. Вот оба стихотворения:

Ես գալիս եմ ահա — նայեցե՛ք, նայեցե՛ք:
 Ես գալիս եմ ահա — դարերից...
 Ու բերել եմ հնձ հետ երազները իմ սեզ
 Ու երգերը ցնդած օրերի:

Նայեցե՛ք, — նայեցե՛ք. դուր լիս՝ չեք ճանաչում.
 Ես սիրել եմ աշխարհը — այնքա՛ն...
 Բառ հեղինակ օրերի թունավոր կանաչում
 Ես թաղել եմ թևերս արնարատ:

Թաղեցի օրերում, երբ զրշարը անհուն
 Ասվարով փայլույուն ու դերում էր — ձեզ:—
 Ես գալիս եմ ահա հաղարդես, բյուրանուն, —
 Պոռնիկի պես բուսած, աղոթքի պես հեզ...

Стихотворение Блока не такое же, но о том же:

Земное сердце стынет вновь.
 Но стужу я встречаю грудью.
 Храню я к людям на безлюдь
 Неразделенную любовь.

Но за любовью зреет гнев,
 Растет прозренье и желанье
 Читать в глазах мужей и дев
 Печать забвенья и избранья.

Пускай зовут: забудь поэт!
 Вернись в красивые уюты!
 Нет, лучше сгннуть в стуже лютой!
 Уюта нет. Покоя нет.

Неистовая любовь к человеку, песни безумных дней чаренцовского стихотворения и неразделенная любовь блоковского, больные, отравленные дни у Чаренца и гибельная лютая стужа у Блока. грезы, пронесенные сквозь прошлую, ушедшую жизнь у Чаренца и призыв к забвению у Блока, падения и святость у Чаренца и отречение от прошлых, красивых уютов у Блока — такая сложная не непосредственная, несамоочевидная сбщность не является результатом простого или даже непростого влияния, случайных или неслучайных совпадений. Это свидетельство единых путей и судеб в одной и той же развороченной бурей жизни. Сложное противоречие: „бегство из жизни — тоска по человеку, вырастающая в тоску по жизни — романтизация действительности, как форма бегства из жизни“, поэтому характерно для обоих поэтов. И бегство не одинаковое, и тоска не всегда та же, и романтизация различная и поэтика несхожая, а связь, тем не менее, глубокая, сложная, интересная. И это понятно. Связь — не тождество, не повторение, не совпадение, не всегда наследование традиций. Два гениально самобытных, удивительно интересно и оригинально становящихся художника и мыслителя пришли к разным стихотворениям и к одним проблемам, к разным постановкам проблем и их очень часто одним решениям.

В мировоззрении Чаренца, в ведущей тенденции и в противоречиях его творчества, в его методе и стиле как в зеркале отразились черты самой эпохи. Отсюда — чаренцовские стихи о неярких днях минувшего и блистательном чуде нового, о сумеречном одиночестве и грустном очаровании невозвратных вечеров, о сладкой гибели немилых сокровищ. Главные тенденции и противоречия раннего чаренцовского творчества рождали романтику одиночества, странников в лохмотьях. Романтика поисков рождала одну из интереснейших тем чаренцовского творчества — тему странников жизни. Чаренцовская тема странников в лохмотьях — отражение той же большой темы бегства-любви, темы „бегства из жизни-тоски по жизни“, которая определяет главный узел противоречий раннего творчества Чаренца. Эта тема перекликается с лермонтовской стихией одиночества и изгнания, выраженной в замечательном образе одинокого в даль несущегося паруса. Эта лермонтовская стихия была близка и Блоку.

Мечта о вечных даях, вечные искания, странная жизнь, сложившаяся из многоцветных дней, отражает эту стихию и в чаренцовском «Հարդազորի ճամբորդները» — 1916—1917 гг. Тема странника — ранняя чаренцовская тема и, тем не менее, она силой какой-то бесстрашной поэтической логики возродилась в книгах «Էպիգրաֆան լուսարագ» и „Ars poetica“ (1928—1929 гг.). В «Հարդազորի ճամբորդները», однако, тема эта еще решается по-иному: странники в лохмотьях, с грезовой тоской и любовью, с вечной мечтой и угасающими в глазах отражениями вечных волшебных неродных далеких далей. Это стихи о дорогах, на которых люди мечтали, люди, которых уже нет, люди, чья жизнь стала некончающимися, нерадостными поисками, несветлая, странная жизнь. Странники и дороги. И когда странникам вдруг хотелось петь славу богу, хлебу и любви, они почему-то пели лишь о тоске серых, одиноких дней, в которых умирала, угасала легенда о голубом счастье.

Каким-то до боли тяжелым было одиночество странников.

*Միայն պոռնիկը մուշուժ համբուրեց
 եւ խելագարը բարկեց կիսաձայն:*

Беспощадная реалистичность, какое-то „разрушительное мышление“ этих строк, как бы ворвавшихся в романтический строй мыслей, чувств, поэтики стихотворения «Հարդազորի ճամբորդները», делает их особенно значительными, подчеркнутыми. Символистичность здесь не исключает, а предполагает жизненную конкретность. И уже здесь Чаренц коренным образом отличается от поэтов декаданса, тоже в те годы обращавшихся к этой теме. Однако поэзия декадентского крыла символистов развивалась в решении этой темы в русле эстетической и философской концепции Мережковского, кредо которого была дорога ради дороги, цель недостижима, незрима, более того, ее нет. Однако и Чаренц еще решал тему эту иначе, чем 12—14 лет спустя в «Երգ մաքրամտման և էպիգրաֆան արարիւմ», хотя та же тут тема — дороги, дали и странники.

Блоковское решение этой темы удивительно совпадает с чаренцовским. Тема странников определяется темой бегства-тоски, бегства-любви. В статье 1906 г. „Безвременье“ Блок пишет: „Среди нас появляются бродяги... Можно подумать, что они навсегда оторваны от человечества, обречены на смерть. Но бездомность и оторванность их — только видимость. Они вышли и на время у них „в пути погасли очи“, но они знают вечные тишины. На сквозняках безлюдных улиц эти бродяги точно распяты у стен. Они встречаются глазами, и каждый мерит чужой взгляд своим и еще не видит дна, не видит где приютилась обнищавшая душа человеческая. Только одежды взвиваются в лохмотьях снежной пыли. Кажется, эти люди, как призраки, поднимутся вместе с бурей в черную пропасть неба, точно полетят на крыльях. Голос вьюги вывел из паучьих жилищ, лишил тишины очага... и они поняли песню о вечном крушении... В глубинах неба открылся звездный узор; его разрывают снежные хлопья, мчатся слепя глаза... но вьюга знает избранников... Они (бродяги) блаженные существа. Они идут куда глаза глядят... Времени больше нет. Вот русская действительность — всюду, куда не оглянешься — даль, синева и щемящая тоска неисполнимых желаний...“. Цитата большая и все-таки пришлось приводить ее в таком объеме именно потому, что почти каждый ее пункт перекликается с элементами чаренцовского решения той же темы странников в «Հարդադողի ճամբորդները» (1916—1917 гг.), «Ով կհանդիպի, ով կրարի» (1915—1921 гг.), «Պատահական անցորդին» (1916 г.), «Հեռացումի խոսքեր» (1917 г.) и других стихотворениях. В различных своих стихотворениях Чаренц идет совершенно своими путями, создает те же образы, раскрывающие поэтическую и философскую концепцию темы странников.

Вот одна фраза Блока из приведенного отрывка: „Они встречаются глазами и каждый мерит чужой взгляд своим, и еще не видит дна, не видит, где приютилась обнищавшая душа человеческая“. У Чаренца читаем «Աչքերիս մեջ մենք պահել ենք երկրային ճամբաների հեռուները գյուծական» или «Աչքերիս մեջ գուցս գտնեն սակեժպիտ մի կրակ»: А вот и душа человеческая, испепеленное сердце, ненайденное солнце:

Վառվեց, վառվեց ողջակիզվող սիրտը մեր, —
 Բայց աչքերը մեր — արևներ չտեսան,
 Եվ մեր սրտերը — լուսավոր հեռուներ:
 Ու մոռցուտ մեր աչքերը հավիտյան
 Որոնեցին պատահական աչքերում
 Հարձադողի ուղիները սակեման,
 Նրա անծիր, անծայրածիր այն հեռուն...

„Они вышли и на время у них „в пути погасли очи“, но они знают вечные тишины“, — пишет Блок. Строфа Чаренца независимо от Блока повторяет этот образ, конечно внося в него новые, чаренцовские черты:

Իմ աչքերի մեջ այնքա՞ն կրակնոր եմ մարել ես
 Եվ հոգուս մեջ, հուսահատ, այնքան աստղեր եմ մարել:

*Կյանքս, որ հուշ է դարձել, հեռանալիս չանիծես.
Կյանքս կանցնի, կմարի — բայց երգս կա, կապրի դեռ:*

В приведенном отрывке Блок говорит: можно подумать, что бродяги (странники) навсегда оторваны от человечества, обречены на смерть, однако бездомность и оторванность их только видимость. Эта же идея, хотя и в иной форме, выражена и Чаренцом. Выражена она в более интимной манере: «*Կանգնիր, կանգնիր, որ ես վազում դու արագ*», или

*Ինչ կույր անցար, չսայեցիր ու հեռացար սըուշուս.
Բայց ես երկա՛ր քո անձանոթ, օտար դեմքը կհիշեմ...*

По-своему выражена и идея бездомности, неотвратимости участи странника, невозвратности дорог («...ու հեռացանք, ու չենք դառնա կրկին տուն»²). То же тут одиночество («Ինձ ոչ-ոք չի ճանաչում...»³), те же лохмотья («...երկու ճամբորդ պատռափած շորերով»), черная пропасть неба («...մութ անհեթեթ ասրորինակ պայծառ մեր...»⁴), песня вечного странствия, невозвратность дорог, бессмертие песни («...Ուր ես անցնում անվերադարձ, որպես անդարձ ճանապարհ», «Կյանքս կանցնի, կմարի, բայց երգս կա, կապրի դեռ...»⁵), безвременность пути («...քալելի եմ դարեր ու դարեր»), щемящая тоска неисполнимых желаний («... որ երբեք քեզ չհասան...»⁶). Одно здесь прозрение и бессилие. Характерно, что образ Млечного пути также повторяется у обоих поэтов. Это знаменательная, хотя и формальная деталь. Тему странника Блок развивает в ряде своих стихотворений («Ты так светла, как снег невинный» — 1908 г., «Ваш взгляд — его мне подстеречь...» — 1913 г., «Ты — буйный зов рогов призывных...» — 1913 г. и др.).

Своей душе, давно усталой,
Я тоже верить не хочу.
Быть может, путник запоздалый,
В твой тихий терем постучу...

Мотивы и настроения поисков выразились в ранних стихотворениях о дорогах («Երբոր երևաց դաշտեր ու դաշտեր...», «Ճանապարհը գորշ, փոշափառ, սև...»⁷). Нерадостны, невозвратны эти дороги, пути и перепутья. Однако это тот узел противоречий, освобождаясь от которых Чаренц неизбежно должен был прийти в революцию. Так же трудно рождалась поэзия вышедшего из дворянской усадьбы и разорвавшего с ней Блока. Рубежи эпох, перепутья дорог оставляли глубокие следы в творчестве двух поэтов, так похожих друг на друга. Следы были то одинаковые, то нет, но чаще одинаковые.

Представляет исключительный интерес проблема цвета и красок в связи с ранним творчеством Егише Чаренца и Александра Блока. В предреволюционные и особенно в самые ранние годы творчества Чаренца (1912—1915 гг.) весь мир поэта раскрывался в символистской поэтике — это была символика света и тени, звуков и красок, полутонов и недомолвок. Мир красок раскрывался и в творчестве Блока и в творчестве Чаренца в символистской поэтике. Символистская поэти-

ка, однако, выражала гражданскую тоску двух поэтов, тоску найденной Наири армянского поэта Егише Чаренца и русскую, острожную тоску Александра Блока. Искания голубых путей и далей, тоска полоненных дней, лирика душевных смятений и врубелевский лилово-синий цвет, символизировавший гибельное начало, раскрывающиеся порою в магии слов,— такова внешняя сторона поэзии и поэтики Чаренца и Блока. Проблема цвета поставлена в ряде статей Блока: „Безвременье“ (1905 г.), „Памяти Врубеля“ (1910 г.), „О современном состоянии русского символизма“ (1910 г.). Она охватывает огромную часть творческого пути Блока. Непонятные цветовые символы в поэзии Блока значительно проясняются в его эстетических статьях, нередко посвященных только этой проблеме. Они проливают свет и на чаренцовское решение этой проблемы. Гениальный безумец Врубель создал необъясненную стихию цвета, которая силой какого-то прозрения отразила черты не только творчества Врубеля, но и эпохи, отразила знамение времени, его гибельное начало. Лилово-синяя стихия Врубеля окрашивает „свободные и волшебные“ миры Блока и Чаренца. В поисках цвета рождалась философия творчества Врубеля. Стихия цвета стала главным компонентом содержания, она никогда не была компонентом формы. То, что стихийно создал и не вполне осознал Врубель, осознали и Блок и Чаренц. Тайна знания рождала тайну действия. С рождением тайны действия врубелевская стихия лилово-синей окрашенности выростала в стихию содержания поэзии Блока и Чаренца. Она объясняла не только внутренние противоречия этой врубелевской стихии в поэзии Чаренца и Блока, ни и уже объясняла понимание мира. Символика цвета в их поэзии выростала в форму осознания действительности, ее познания. И как ни велико расстояние от Врубеля до Блока и от Блока до Чаренца — они связаны врубелевской стихией лилово-синего цвета, отразившей глубококую сущность эстетики и философии цвета у Чаренца и Блока.

Трудно думать просто об окрашенности картин Врубеля в лилово-синий цвет. Он, с одной стороны, содержание не только метода, но и мировоззрения Врубеля, с другой стороны, он — содержание гражданственности позиции Врубеля. Врубель создает свой лилово-синий цвет, Блок объясняет безумие и гениальность Врубеля, раскрывая зловещее предостережение и сущность „громады трех цветов“ Врубеля (лилово-синего, голубого, золотого), Чаренц создает цикл стихов «Ծիածանը», в который вошли разделы «Կապույտը», «Ոսկին», «Մանուշակագույնը» (1916—1917 гг.). «Ծիածանը» отражает в поэтической стихии ту же громаду трех цветов. Причем знаменательна трехцветность радуги:

*Երեք ճաճանչ, երեք երանգ, երեք գույն,
Որ անցան—
Գո՛ւյր, կապելի են բո աչքերուսմ, իմ հոգուսմ—
Ծիածան:*

Громада трех цветов Врубеля, стихия трех цветов Блока, трехцветная радуга Чаренца. И вновь это не тождество, хотя связь Ча-

ренца с Блоком в этом пункте совершенно знаменательна и не только в понимании литературных связей между двумя поэтами, но и для понимания их поэзии.

Врубелевскую стихию трех цветов Блок связывает с сохранившейся головой Демона, созданной Врубелем в какой-то потерянный и схваченный памятью лишь одного человека миг. Громада лермонтовской мысли, считает Блок, заключена в громаде трех цветов Врубеля... Демон его и Демон Лермонтова символы наших времен... Все это объясняет почему голову неслыханной красоты врубелевского Демона Блок считает той самой, которая, быть может, не удалась в „Тайной вечере“ Леонардо да-Винчи. Очень интересна фраза из блоковской статьи: „Он (Врубель)—вестник“. Эта фраза раскрывает понимание Блоком существа его связей с врубелевским творчеством. С другой стороны она очень определенно свидетельствует о каком-то полумистическом понимании не только проблемы цвета, но и происхождения, зарождения стихии трех цветов Врубеля, реальность которой становится единственной реальностью, дающей „смысл жизни, миру и искусству“. Это—мистическое понимание „миссии“ Врубеля. Краски в поэзии, в эстетических статьях Блока различны. Нередко краски символизируют какое-то непосредственное настроение Блока. Это обычные средства художественной выразительности и они не имеют никакого отношения к философии цвета в его творчестве. Например, черный цвет в двух стихотворениях Блока „Черный ворон в сумраке снежном“ или „Знаю я твое льстивое имя“ (1910 г.) — просто средство художественной выразительности:

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.

Даже в тех случаях, когда черный цвет — сложный символ (черный бархат, символизирующий неизвестное), он и тогда остается вне этой философии цвета.

Есть еще одна разновидность красок у Блока. Поскольку поэт весь был охвачен и измучен их стихией, эти краски проникли во все тайники поэзии Блока. Есть в поэзии Блока краски, которые можно было бы назвать красками-ассоциациями, когда сама краска, цвет, казалось бы, отражают тайну и сущность явления, настроения, стихии, предмета, а иногда и человека. Краски-ассоциации сложнее, чем черный символ скорби, зеленый — цветения, голубой — умиротворенности, желтый — увядания, синий — безбрежности. Во-первых, даже перечисленные краски-цвета, кроме этих банальных ассоциаций, таят в себе множество других возможностей отразить совершенно иные явления и образы и, во-вторых, может быть, большинство явлений и образов имеет свой цвет и поэтому краски-ассоциации бесконечно многообразны. В стихотворении „Бывают тихие минуты“ (1909 г.) Блок пишет:

И вдруг туман сырого сада,
Железный мост через ручей.

Вся в розах серая ограда,
И синий, синий плен сч-й...

Плен очей кажется Блоку синим вероятно не только потому, что сами очи синие. Вот та же сырая непогода ночи, то же грустное расставание и тот же синий цвет:

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла.

Синий цвет переносится на другой предмет, оказывается в более необычном контексте, но отражает то же настроение. Вероятно, если попытаться представить себе одиночество в каком-то конкретном цвете, то оно скорее всего будет белым. Что бы то ни было, а эти краски для Блока обладают магической силой. Но, тем не менее, и они никак не относятся к блоковской философии цвета, красок. Стихия трех цветов Блока — нечто совершенно иное. Он прямо говорит о том, что когда мир в его сознании стал окрашиваться, когда возникло первое знание о цветах, преобладающим был цвет, который он назвал пурпурно-лиловым. Тогда же он увидел золотой ослепительно разгорающийся меч, пронизывающий пурпур лиловых миров. Позже кто-то внезапно пересекает золотую нить зацветающих чудес, лезвие лучезарного меча меркнет. Миры, которые были пронзены его золотым светом, теряют пурпурный оттенок, как сквозь прорванную плотину, врывается сине-лиловый мировой сумрак (лучшее изображение всех этих цветов у Врубеля). Таким образом, померкнувшее золотое чудо уносит пурпурный оттенок, оставляя лилово-синий сумрак. Надо сказать, что многообразен, многозначен и голубой цвет в блоковской поэзии („В голубой ночи — голубой цветок“, „В голубом морозном своде“, „Голубая дымка за плечами, неизвестность, гибель впереди“, „Неживой, голубоватый ночи свет“, „Ведет, уводит в голубое едва заметная стезя“).

Чаренцовские краски-символы менее определены, более взаимопроницают друг в друга, менее устойчивы. Вся концепция цвета, стихия трехцветной радуги носит менее схематический характер. Функциональность символов-красок изменчива. Все это определяет более поэтический характер этой стихии, нежели у Блока, но зато эта стихия не создает столь цельного, как у Блока, мировоззрения, охватывающего понимание судьбы народа, революции, искусства, места интеллигенции в революции. Образы цветов, поэтическая стихия трехцветной радуги Чаренца более поэтичны, чем философичны, хотя элементы громады трех цветов Врубеля и стихии трех цветов Блока можно совершенно безошибочно проследить и в творчестве Чаренца. Начало блоковской концепции — лучезарный, золотой меч, освещающий и окрашивающий миры. У Чаренца это — брошенное в мир золото крестов, рождающее

золотой мираж (у Блока меч ослепительно разгорается и пронизывает пурпур лиловых миров).

*Նա ոսկի՛ է, երկինք նևտած մի կտոր ոսկր.
Նա — մի երազ, ոսկի՛ մրրատ արթնացած խոսքր:*

Как и у Блока, блекнет, меркнет, угасает брошенное в мир и осветившее мир золото крестов. Зовут, умирают лебеди. Угасают звезды.

*Ու մարում են, ու մեռնում են այն աստղերը, տե՛ս:
Արթնացել են կարապները ու կանչում են մեզ:
Կո՛ւյր, վայրկյանը սրբազան է — բռնկում ու մահ.
Կարապները, որ կանչում են, կմեռնեն հիմա:
Ու կմարի խաչը վանքի կապույտում վերջին.
— Զարթի՛ր, դարթի՛ր, կապույտ աղջիկ, — ու սայիր խաչին...*

Тот же, что у Блока, поэтический мир, хотя и менее определенный и потому менее мистичный. Мистика философского и поэтического мышления Блока здесь как-то рассеивается. Чудо золотого горения, мистика крестового сияния не столь губительны, сине-лиловые миры не столь зловещи.

*Կապույտը հոգու աղոթանք է, բույր,
Կապույտը — թախիծ.
Կապույտը — կարոտ թափանցիկ, մաքուր,
Ու հստակ ու ջիւշ:*

Угасающее золото рождает и лилово-синюю и голубую грусть. Но только грусть, а не гибель прекрасного. В творчестве Чаренца голубая стихия связана с темой поисков родины, поставленной в отрывках из неоконченной поэмы 1915 г. «Կապույտաչյա հայրենիք». Поиски родины неверны, ошибочны, порою трагичны. Но замечательна сила их трагической самоотверженности. Не было усталости от далеких неведомых дорог. Только тоска вела ночными, горестными дорогами этого удивительного странника жизни — армянского поэта, гениально одаренного.

И, несмотря на порою мистическую окрашенность этих поисков («... Բայց ես գիտեմ, որ սիրեցի քեզ մի օր, երբ հասկառյա, որ աշխարհում դու չկաս...»), они оптимистичны по природе своей. Рождение темы поисков родины в поэзии Егише Чаренца знаменательно и закономерно. Мечта о солнце проходит через все произведения раннего Чаренца, в которых жизнь еще рисуется поэту в какой-то зыбкой голубизне, неясной трепетности. Но уже в 1915 г. происходит необыкновенное. В этом году написано стихотворение «Զյունապատ լեռներ և կապույտ լճեր».

*Զյունապատ լեռներ ու կապույտ լճեր:
Երկինքներ, որպես երազներ հոգու
Երկինքներ, որպես մանկական աչեր:
Մենակ էի ես: Ինձ հետ էիր դու:*

*Երբ լսում էի մրմունջը լճի
Ու նայում էի թափանցիկ հեռուն —*

*Ջարթնում էր քո մեջ քո սուրբ անուրջի
կարոտը այն հին, աստղային, տունն.*

*Կանչում էր, կանչում ձյունոտ լեռներում
Մեկը կարոտի իրիկնամուտին:
Իսկ գիշերն իջնում ծածկում էր հեռուն,
Նստնեկով հողիս աստղային մութին...*

Родина раскрывается здесь в своей конкретной, реалистической красе. Таким образом, рождение темы поисков родины связано со становлением стилеобразующих элементов реализма. Правда, это еще стихи о древней, старинной, звездной тоске, тоске-любви, но это уже и стихи о конкретной, живой родине.

Тема поисков родины характеризует цикл стихов Блока „Родина“ (1907—1916 гг.). Первое же стихотворение этого цикла рассказало о человеке без родины, о человеке, то ли потерявшем, то ли не нашедшем родину („Сын человеческий не знает, где преклонить ему главу...“). Пустыня. Безмолвие. Поисков нет. Есть одиночество, куст белых роз, красивая повилка. Есть и далекая чужая сторона, только своей нет („... заплачет сердце по чужой стороне...“). Позже рождается экзотический образ России, встревоженной вестью о сжигающем Христе. Но в эти же годы рождаются стихи, рисующие живые картины России, ее реалистические черты, ее ритмы.

*Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.*

Горячий белый камень. Крик лебедей: И в крике лебедином—голос России. Широкий и тихий пожар. Образы Руси становятся все зримее, все реалистичнее—треплются три стертых шлеи, вязнут расписные спицы, расхлябанные колени. Рождается прогест. Рождается совершенно блистательный образ русской острожной тоски.

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,—
Как слезы первые любви.*

*.....
И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!...*

Бездонной любовью любит поэт Россию, в горе ее и в ее нищете, с ее ночными роковыми путями в эти глухие, испепеляющие годы. С темой поисков родины рождалось и другое. Для лирики раннего Чаренца характерно еще одно очень существенное противоречие. Скорее это противоречивое единство мотивов гибели и отчаяния

и лирики предчувствий. Лирика предчувствий облегчала поиски. Нередко одно и то же стихотворение приносило с собой и настроение отчаяния и надежду. Цикл стихов «Երեք կրկ արարադարով աղջկան» (1913 г.), созданный в Карсе,—это лирика гибели и отчаяния. Стихотворение «Ճամբան», открывающее этот цикл в каком-то синтезе, как бы в фокусе вобрало в себя главные мотивы всего цикла—безнадежное отчаяние, грусть дальних, нерадостных дорог, тоску некончающегося, морозящего дождя, холод уныло угасающего дня, размеренный бег кареты.

*Եվ կառապանն, օրորվելով դեռ երևար
Երգում էր իր օրերի երգը անգույն:
Գնում էինք: Ո՛ւր—չգիտեմ: Վերջ չկար:
Դնում էինք: Անտու: Անձայն: Ու անքուն...*

Стихотворение «Մեռելոց» этого цикла идейно и тематически развивает идеи других стихотворений, их тему. Однако оно уже и отличается от них. «Մեռելոց» не только продолжает разговор об уходе из жизни, но доводит до логических концов стихию изгнания и отречения. Но здесь появляются реалистические детали, характеризующие живую жизнь. Реалистические элементы этого стихотворения еще не противоречат его мистицизму. Тот же дождливый вечер, те же бесшумные улицы (абстрактные пути-дороги сменяются конкретными улицами). Прежнее, полурелигиозное, экстатическое восприятие уличных лампад сменяется мотивом развенчания улицы и ее лампад. Реалистичность ситуации делает черты критического отношения к действительности более содержательными. Все это убыстряло все процессы, происходившие в мировоззрении и творчестве поэта. А убыстрение этих процессов приближало понимание революции, которая разрешала противоречия, отвечала на мучившие, нерешенные вопросы. И уже в другом цикле стихов «Որպես սկիզբ», помеченном 1915—1921 гг., Чаренц отразил иные мотивы и настроения. Цикл этот знаменует рождение мечты-предчувствия вопреки мотивам гибели и отчаяния «Երեք կրկ արարադարով աղջկան» и «Ճամբան». Этот цикл, поэтому, несмотря на то, что составлен он всего из трех стихотворений, стал вехой в творчестве Чаренца. Лирика предчувствий вырастает в лирику раздумий. Сила этого предчувствия растет от стихотворения к стихотворению. И если в первом стихотворении цикла «Գիշերն ամրողը, հիվանդ, խելադար» мечта-предчувствие заглушается глубоким неверием в пробуждение, то стихотворение «Ով կհանդիպի, ով կրարի» содержит прямое обращение к человеку будущего, незнакомому, безвестному, далекому. Грядущее еще представляется ему смутно, в романтических тонах, причудливых соцветиях.

Несмотря на то, что все стихотворения этого цикла объединены рождением мечты-предчувствия, все-таки они разные. Ведь в стихотворении «Գիշերն ամրողը, հիվանդ, խելադար» эта мечта рождается для того, чтобы сразу погибнуть. Чаренц все еще находится во власти тревожных, мучительных, трудных поисков.

Есть одна небезыңтересная закономерность близости Чаренца к таким поэтам, как Терьян, Блок, Гейне. Трех этих поэтов объединяет какое-то настороженное внимание к проблеме нового, высокого синтеза мира революции и мира библиотеки. С другой стороны, это было бесстрашное, гневное развенчание вульгарного, преступного нигилизма, ставившего вопрос о непримиримости, враждебности, антагонизме двух этих миров. Терьян, Гейне и Блок не только своим творчеством, не только своим мировоззрением, не только своей приверженностью к миру библиотеки, но даже своими противоречиями решали великий, сложный, бесконечно важный вопрос своих эпох. Речь шла не о тех двух мирах, в результате борьбы между которыми один из них погибнет. Речь шла о необходимости соединить оба мира. И чрезвычайно интересно, что сам Чаренц всем своим творчеством, всей своей жизнью ярко и бесстрашно утверждал идею этого синтеза. Блестящая эрудиция Чаренца, непостижимо тонкое и глубокое понимание тайны и чуда мировой культуры, бескрайние горизонты его знаний и приверженностей верно служили созданию беспримерной революционной поэзии.

Революция в творчестве Чаренца не упрощалась, сложная и удивительная, она и отражалась сложно и удивительно. Революция — личная тема в поэзии Егише Чаренца. Однако вселенский размах этой темы ощущаешь в его революционных, лирических поэмах и стихах. Поэзия эта рассказала не только о великом времени революции, ее героях, но и просто о человеке, о неутраченной его мечте, неугасшей любви, непомеркшем поэтическом отношении к миру. Гуманизм творчества Чаренца и Блока рождал своеобразие их революционной поэзии. Долгим был путь Блока от ранней идейной ущербности декаданса к художественной правде революционного искусства, к великой правде Октября. И здесь важно не понимание Блоком путей революции, оно было неверным, не понимание Блоком ведущих сил революции, оно было также неверным. Здесь важен революционный порыв, революционная страсть, отречение от старого мира, понимание величия Октября.

Блока увлекает буревая стихия революции, мировоззрение его раздвоено. И тем не менее Блок понимал, что из всех испытаний революционная Россия выйдет „новой и по-новому великой“. И это главное отразила революционная поэма „Двенадцать“. В другой революционной поэме „Скифы“ (1918 г.) Блок, вновь обращаясь к России, говорит о ее светлом и великом будущем. Пламенный стих „Скифов“ воспевает варварскую скифскую лиру, потому что лира эта возвещает новую жизнь.

Тема революции с наибольшей полнотой раскрылась в поэмах Чаренца 1918 г. Сам стих революционных поэм Чаренца, огневой, иступленный, был многообразен и великолепен.

Смутная, неясная, какая-то сиротливая тоска по голубым далям, золотому грядущему, серебристому забытию, лилово-синей безнадежности становится совершенно отчетливой острой тоской по новой жизни.

ни. Наступление революции было встречено вдохновенно. Чаренц становится ее пламенным певцом.

Поэмы Чаренца и Блока 1918 г. подводят итог творчеству двух поэтов. То, к чему они пришли в 1918 г., неразрывно связано с их путями и поисками предреволюционных лет. Трудно сказать, чего больше в этих поэмах — различия или схожести. Да и не в этом дело. Ведь важно, что они схожи в основных своих чертах, в основной своей направленности. Сюжетные, фабульные различия не должны смущать, напротив, эти различия делают связи более глубокими, именно потому, что исключают механистичность прихода к идеям и идеалам 1918 г. В поэмах «Ամբոխները խելազարգած» и „Скифы“ прежде всего совпадают главные центральные герои — это в обоих случаях народ. Причем образ народа не декоративен, не театрален. Он реалистически раскрыт в своей стихийной силе, мятежной красоте.

Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
 Попробуйте, сразитесь с нами!
 Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,—
 С раскосыми и жадными глазами.

Так начинаются „Скифы“. И несмотря на то, что образ народа здесь символичен, несмотря на „скифство“ Блока, поэт „противопоставил узенькому размаху буржуазной идеологии огромность явлений, проходивших на евро-азиатских равнинах бывшей России, их мировую значительность“ (Луначарский). Особенность этой поэмы заключается в том, что идея борьбы народа воплощена здесь в „скифстве“ с его варварской лирой. Однако древность и внешнее убожество народа здесь только кажущиеся. В этом гуманистическая сила поэмы („Да, так любить, как любит наша кровь, никто из вас давно не любит...“). Есть в поэме какая-то экзотическая нарочитость в обрисовке дикой стихии этого народа („с раскосыми и жадными очами...“, „своею азиатской рожей...“, „с монгольской дикою ордою...“, „своими узкими глазами...“). Но этот дикий, этот мятежный народ гениален.

Мы любим все — и жар холодных числ,
 И дар божественных видений,
 Нам внятно все — и острый гальский смысл,
 И сумрачный германский гений...

И он стоит где-то на столбовых дорогах мировой цивилизации.

Тот же образ народа, в его неистовой, безумной стихии, в его беспримерной борьбе за освобождение нарисовал Чаренц в замечательной своей поэме «Ամբոխները խելազարգած». Те же тут обезумевшие в неистовом порыве толпы. Та же стихия борьбы народа.

Արևի տակ իրիկնային, իրիկնային հրով վառված՝
 Եյդ հին դաշտում կոմուն էին ամբոխները խելազարգած:

А рядом со „скифством“ Блока рождается безумие, неистовость чаренцовских толп (кстати о чертах неистового размаха блоковских скифов прямо говорит А. Луначарский в своей статье о Блоке). Бе-

зумство толп у Чаренца — это безумство просветленных революцией народных масс. И важна здесь не столько одержимость борьбой вообще, сколько осененность революцией. Безумная, неистовая стихия вдруг озаряется умной стихией революции:

*Քաղաքներից ու գյուղերից, ստեպաներից հեռու ու մոտ՝
Եկել էին նրանք նորից՝ հուսալատոված ու կրակոտ:
Ով բաղաբից էր հեռացել — նա թողել էր մշուշը ձեր,
Մշուշը, որ պասսըր վրա մխաշաղախ ամոլ էր դարձել:
Ով եկել էր գյուղից հեռու — նա թողել էր հողը խոնավ,
Երի վրա Լանսոն հուռ ու մի ոսկի հասկ շճնավ:
Ով եկել էր ստեպաներից, նա թողել էր անծայրածիր
Լայնությունը հորիզոնի, որ իր համար բանտ էր դարձել:*

Элементы мышления поэта символистскими категориями наложили отпечаток на всю поэму. Но эти категории—только его форма. И несмотря на то, что элементы мышления категориями символистскими все-таки отразились на поэме, в образах, повествовании, манере, интонациях, революционное мировоззрение рождало новую поэтику, новое поэтическое мышление. Символистичность поэтического мышления «Ամբոխները խելագարված» не уводила от жизни, она становится яркой предельно сильной, простой и сложной формой выражения содержания. Символическое поэтическое мышление отразилось и в „Скифах“ Блока (сама идея „скифства“ яркое тому подтверждение).

По существу одной из ведущих идей „Скифов“ и «Ամբոխները խելագարված» является идея гибели старого мира. Она по-разному раскрывается в двух поэмах. В „Скифах“ она поставлена остро публицистически, в огневых прекрасных стихах, прямо отразивших идею неминуемости гибели старого мира.

По-иному отражена она в «Ամբոխները խելագարված». Старый мир в поэме символизируется образом буржуазного города — огромного, лениво распростершегося, старинного, мраморного, в лучах солнца. В классической картине буржуазного города все символично — описание города и особенно описание вокзала, на штурм которого идут обезумевшие толпы. Окаменел в вопросительном знаке вокзал, а сам он не отвечает ни на один вопрос. Он ежеминутно задает, казалось бы, неразрешимые вопросы. И обезумевшие толпы шли брать вокзал, завоевывать неведомое, решать судьбы свои, найти ответы на мучившие, нерешенные вопросы. Какая-то обостренная образность поэтического мышления.

Начался бой. И вот новое описание города, тревожного, враждебного и уже немножко бессильного:

*...Սուրուժ էր մի իրիկնային սարմանդ քամի:
Դեմը բաղաբն էր տարածվել՝ հաղարամյա մի թշնամի:
Սֆինքսի պես հսկայական, չեկ ձձերը զրած հողին՝
Նա կտրել էր արեակամ ամբոխների կարմիր ուղիներ —
Ու կայարանը հաղթանդամ, իրիկնային կարմիր մուժուժ,
Հաղթ նստել էր նրա առաջ, որպես նրան հսկող սր յուճ:*

Здесь важен и интересен образ вокзала, сторожевым псом, победно охраняющего город, спасающего его от времени, его знамений. В русле такого решения основных проблем эпохи лежит и другая поэма Чаренца 1918 г. — «Упдш» и поэма Блока „Двенадцать“.

Обостренность восприятия разрушительной стихии революции, романтическая гиперболизация и романтический протест, известная условность поэтического мышления и образной системы приводили, однако, к некоторой недооценке другой стороны революции — ее создающего начала. Это в такой же мере характерно для блоковских поэм 1918 г., главной стихией которых была стихия разрушения.

В настоящей работе не охвачена целиком, не решена до конца проблема литературных связей Егнше Чаренца и Александра Блока. Проблема эта слишком большая и требует она долгих поисков, раздумий, углубленного решения целого ряда больших и малых вопросов. В работе есть постановка этой большой проблемы. А ведь такая проблема существует.